

Сюнь Хайши и подумать не мог, что успел настолько ослабеть. Свалился без чувств перед человеком, чьи намерения оставались загадкой, и полностью лишился сознания. Когда он наконец пришел в себя, время словно потеряло счет. В голове гудело, а во всем теле разливалась тупая, изнуряющая боль.

Сквозь тяжелое полузабытие он ощутил мерную тряску.

Кажется... повозка...

Веки налились свинцом. Сюнь Хайши предпринял несколько тщетных попыток, прежде чем ему удалось приоткрыть глаза хотя бы на узкую щелочку. Перед взором предстали покачивающиеся деревянные доски потолка.

И правда, экипаж.

Преодолевая слабость, он приподнялся и прислонился спиной к стене. Откинул голову, прикрыл глаза и немного переждал, пока не улеглась первая волна дурноты. Когда в голове немного прояснилось, Сюнь Хайши медленно огляделся. Напротив него кто-то сидел. Сначала он растерялся, но мгновение спустя всё понял.

Се Юйсуй был облачен в строгое черное одеяние, расшитое едва заметными темными узорами. Его волосы были собраны в высокий узел на манер благородного молодого господина. Прикрыв глаза, он, казалось, дремал.

— Куда мы едем? — Сюнь Хайши попытался заговорить, но собственный голос прозвучал на редкость хрипло и безжизненно. Он тихонько откашлялся, однако это не принесло облегчения. Обреченно вздохнув, он добавил: — Если ты задумал отомстить, лучше прикончи меня сразу. Всё равно сопротивляться я не могу, так что делай что хочешь.

Се Юйсуй даже не шелохнулся. Он лежал так спокойно, словно и не слышал слов пленника, совершенно не собираясь достаивать его ответом.

Сюнь Хайши принялся внимательно разглядывать его лицо. Ни безразличности, ни раздражения, ни единого намека на хоть какую-то эмоцию. Полнейшее, непроницаемое спокойствие.

В голове не укладывалось: еще недавно этот человек пылал такой бешеной яростью, а теперь весь его гнев испарился без следа?

— Тот кинжал в таверне подбросил не я, — тихо, с горькой усмешкой произнес Сюнь Хайши. Это было редкое для него желание объясниться. — Понимаю, репутация у меня скверная, и оправдываться бессмысленно — ты всё равно не поверишь. Я искренне благодарен тебе, князь,

за спасение моей жизни. Жаль только, дни мои сочтены, и отплатить за доброту я вряд ли успею. Но и платить черной неблагодарностью, толкая тебя в пекло, я бы не стал. Я не бросился сразу вызволять У Фэна лишь потому, что искал надежный способ. Это куда лучше, чем сделать его беглым преступником по всей стране. Окажись у наших врагов зацепка, они бы раздули дело так, что вам и в царстве Ци жилось бы несладко. Но когда я столкнулся с Сюэ Ли, до меня дошло: сколько бы я ни планировал, мерзавцы всё равно будут гнуть свою линию. Чтобы не затягивать и не плодить лишних проблем, мне пришлось задействовать собственных людей, дабы вытащить У Фэна.

При этих словах Се Юйсуй медленно открыл глаза. Его взгляд скользнул по полу кареты, так и не встретившись со взглядом собеседника.

Он действительно не спал, лишь притворялся дремлющим. Едва Сюнь Хайши зашевелился, Се Юйсуй тут же это почувствовал. Он просто не знал, как теперь себя вести с этим человеком, а потому медлил подавать знаки жизни. Вспыльчивость могла погубить всё дело, и князь всерьез опасался, что не сдержится и попросту раздавит этого бледного, хрупкого, словно тонкий фарфор, собеседника.

Но он никак не ожидал, что минутное молчание обернется такой исповедью. Тон Сюнь Хайши был настолько серьезным и искренним, что верилось в это с трудом. Совсем не вязалось с его привычным образом циничного убийцы.

— А я думал, у тебя ко мне куча вопросов, — заметив его взгляд, тихо рассмеялся Сюнь Хайши.

Говорил он еле слышно — тихий шелест его голоса легко мог потонуть в грохоте колес, катящихся по каменистому тракту. К счастью, чувства мастера боевых искусств были куда острее, чем у простых смертных, так что Се Юйсуй расслышал каждое слово.

— С чего ты взял, что я стану спрашивать, а ты — отвечать? — холодно отозвался Се Юйсуй. — Не знал, что глава ордена Сюнь стал столь уступчивым собеседником.

— Я всегда считал себя покладистым, просто мало кто желает вести со мной светские беседы, — Сюнь Хайши вновь слабо улыбнулся. — Так куда мы держим путь? В город Юань?

Город Юань был столицей царства Ци. В прежние годы Сюнь Хайши доводилось бывать там несколько раз.

Се Юйсуй не стал отрицать:

— Испугался?

— А чего мне бояться? В качестве заложника, чтобы шантажировать правителя царства Чжу, я бесполезен. Выбить из меня какие-то тайные сведения у вас тоже не выйдет. В худшем случае

придется немного помучиться перед смертью, да умереть не слишком красиво. Раз исход предрешен, то и бояться нечего.

От столь долгой речи у него сдавило грудь. Сюнь Хайши замолчал, бессильно откинувшись на деревянную обшивку экипажа, чтобы перевести дух.

— И всё же позволь дать тебе один совет, князь, — негромко продолжил он, восстановив дыхание. — Береги ту женщину, которую ты забрал с собой. Придет день, и она сослужит тебе великую службу.

Се Юйсуй не сводил с него пристального взгляда.

— Ты ведь только что уверял, что не собираешься делиться секретами. И как тогда понимать твои слова?

— Считаю это... — Сюнь Хайши на мгновение задумался, — скромной платой за то, что спас мне жизнь.

— Хех, — Се Юйсуй презрительно усмехнулся. — Дешево же ты ценишь спасение собственной шкуры, глава ордена Сюнь. Даже с учетом твоих заверений, я, как князь царства Ци, не могу средь бела дня похищать подданных царства Чжу. Не соизволишь ли поведать чуть больше, чтобы я мог взвесить, стоят ли возможные выгоды подобных рисков?

Выслушав его, Сюнь Хайши лишь молча опустил голову и закрыл глаза.

Се Юйсуй и не надеялся, что тот растрогается от упоминания долга жизни — князь просто язвил ради красного словца. Заметив, как собеседник ушел в себя, он решил, что Сюнь Хайши попросту уклоняется от ответа, а потому тоже не стал настаивать.

После того как Сюнь Хайши лишился чувств, он провалялся в беспамятстве двое суток. Лишь вчера вечером жар наконец спал. Проверив его пульс, Се Юйсуй убедился, что бушевавшие в теле больного потоки внутренней энергии более-менее утихли, и решил выдвигаться сегодня на рассвете.

Управление по умиротворению выгорело дотла, в городе объявили чрезвычайное положение. Эти два дня передышки позволили им благополучно переждать самую опасную бурю.

Сегодня они выехали затемно и покинули Юнчжоу, едва стража отперла городские ворота.

Се Юйсуй уже собирался прикорнуть, как вдруг услышал донесшийся сверху тихий, надтреснутый вздох:

— Никакой тайны тут нет... Просто в царстве Чжу назревает великая смута, и я лишь пытаюсь проложить себе путь к спасению.

Се Юйсуй вскинул голову. Сюнь Хайши сидел, отвернувшись к окну, и задумчиво созерцал уходящую вдаль заснеженную дорогу.

— Тебе наверняка известно, что яд, терзающий мое тело, — дело рук нашего императора. Он нуждается во мне, чтобы моими руками устранять неугодных, но в то же время панически меня боится. Вот и решился на эту гнусность, дабы спать спокойно. Ты думаешь, я принял яд добровольно? Хм, не согласись я тогда, меня бы уже давно не было в живых. Каким бы великим мастером ты ни был, в одиночку против целого государства не выступишь. К тому же за долгие годы я нажил столько врагов по всей Поднебесной, что если бы я порвал с императором, на меня ополчился бы весь мир.

— Здравому смыслу тебе не занимать, — обронил Се Юйсуй. — Но если ты предвидел подобное, зачем было в свое время загонять себя в тупик?

— Тебе не понять, — Сюнь Хайши покачал головой, и на его лице проступила безмерная усталость. — Я не знаю, как устроена власть в царстве Ци и каковы ваши тайные службы. Но у нас, в Чжу, из рядов императорских теней живым не уходит никто. Либо убиваешь ты, либо убивают тебя. Не будь я беспощадным, меня бы сожрали без остатка еще в юности. Кто в здравом уме захочет прослыть чудовищем? Просто когда тебя припирают к стене, выбора не остается.

Эти слова заставили Се Юйсую содрогнуться.

Он действительно не ведал, через какие круги ада прошел Сюнь Хайши в юности, однако о порядках в Павильоне Небесной Оси имел четкое представление. Это гнездо убийц по праву считается самым жутким местом в Поднебесной. Детей там с малых лет лишали человеческих чувств, возвращая из них безжалостные орудия смерти. В Цзянху ходило множество слухов о самом Сюнь Хайши. Поговаривали, что он попал в Павильон слишком поздно, когда лучшие годы для закалки тела и духа уже прошли. И не будь он сущим дьяволом во плоти, ему ни за что не удалось бы взойти на вершину власти.

— Тогда у меня было лишь два пути: либо драться не щадя жизни, либо превратиться в чью-то послушную игрушку для утех. Пришлось выгрызть себе право дышать, — тихий голос Сюнь Хайши странным образом совпал с мыслями Се Юйсую.

— К чему эти откровения, глава ордена Сюнь? Решил разжалобить меня? — спросил князь.

— Зачем же? — Сюнь Хайши вяло усмехнулся. — Я не считаю свою участь жалкой. По крайней мере, я сам принимал решения, и до сих пор моя судьба находится в моих руках.

— И отравление тоже входило в твои планы?

— Это был единственный выход из тупика. Зато я жив, а пока бьется сердце, надежда остается всегда, — он пожал плечами. — Император и наследный принц сошлись в смертельной схватке за престол. Оказавшись меж двух огней, я был вынужден искать тайного союзника. Послать людей из Павильона Небесной Оси в город Юань я не мог — за каждым моим шагом следят. Пришлось искать того, кто сумеет передать весть за меня.

— Можешь не сомневаться, великий князь, у меня не было злого умысла. Мне просто требовался влиятельный человек из царства Ци, способный повернуть одно дельце. Теперь, когда мой замысел раскрыт, а затея провалилась — что ж, так тому и быть. Безупречных планов не существует, и осечки неизбежны. Даже если меня увезут в царство Ци и казнят там, я приму это как должное. — Сюнь Хайши вздохнул, и на его лице отразилось странное, почти блаженное облегчение. — Оказаться в Ци... неплохой исход. Всяко лучше, чем сгнить на плахе в родном Чжу.

Вся Поднебесная считала Сюнь Хайши преданным цепным псом императора Чжу, готовым беспрекословно исполнить любой, даже самый безумный приказ. Но никто не догадывался, насколько сильно он ненавидел эту страну — одно лишь упоминание о ней вызывало у него глухое отвращение.

— И слухи о твоей гибели ты пустил ради этого? Чтобы усыпить бдительность наследного принца и заставить его поскорее поднять мятеж против отца? Кто же, по-твоему, должен одержать верх в этой резне — император или его сын? И какое отношение всё это имеет ко мне?

В ответ на этот град вопросов воцарилось долгое молчание. Лишь колеса мерно постукивали по дорожной гальке да где-то высоко в небе протяжно и тоскливо кричала невидимая птица.

Спустя какое-то время Сюнь Хайши еле слышно, точно разговаривая с самим собой, прошепел:

— Неважно, кто из них победит... В конце концов, они одного поля ягоды.

Он и не собирался делиться этими мыслями с попутчиком. Даже чуткий слух Се Юйсуй уловил лишь обрывки фразы.

— Мы едем не в царство Ци, — внезапно нарушил молчание Се Юйсуй.

Сюнь Хайши, засмотревшийся на унылый зимний пейзаж, вздрогнул от неожиданности и резко обернулся:

— То есть как?.. А куда тогда?..

— В Восточную столицу, — Се Юйсуй отвел взгляд и уставился на колышущуюся занавеску

экипажа. — Ты ведь из кожи вон лез, разыгрывая этот спектакль, лишь бы затащить меня туда. Что ж, мне и самому любопытно взглянуть, ради чего затевалась эта грандиозная игра.

Сюнь Хайши изумленно выдохнул:

— Но как ты...

— Насчет кинжала я пока не уверен — твоих ли это рук дело. Но если сложить воедино все зацепки, то у твоих интриг была лишь одна цель — заманить меня в Восточную столицу. Другого объяснения просто нет.

— У Фэна в темнице и пальцем не тронули, а тот лавочник, что мог дать показания, внезапно скончался. Выходит, ключевого свидетеля обвинения не стало. Одной лишь улики в виде кинжала явно недостаточно, чтобы упрятать его за решетку. Да, наместник Юнчжоу жаждал повесить это убийство на первого встречного, но Лян Хэчан строго-настрого запретил применять к подозреваемому пытки, требуя доставить его живым и невредимым. Но даже так — отпускать человека, который не признал вины и горит жаждой мести, верх безумия. Оказавшись в Восточной столице целехоньким, У Фэн принес бы им кучу неприятностей.

— Стоило бы У Фэну заявить во всеуслышание, что его подставили, как полетели бы головы — и у чиновников Юнчжоу, и у конвоиров. Зная о неизбежных последствиях, местные власти почему-то и ухом не повели. Объяснение здесь одно: они разыгрывали беспроектную партию. Наместник прекрасно знал, что парень не виновен, и вешать на него собак в конечном итоге никто не собирался. Его продержали под стражей лишь ради того, чтобы выманить настоящих виновников. И пока он сидел за решеткой, убийца должен был как-то проявить себя.

Се Юйсуй замолчал и требовательно посмотрел на Сюнь Хайши:

— Мне вот что не дает покоя. Если заговор с целью втянуть меня в дела царства Чжу спланировал ты, почему было сразу не сказать, что искомое находится в Восточной столице? Зачем понадобилось устраивать весь этот фарс и водить меня кругами? Настоящий убийца — та женщина, которую я спас?

У Сюнь Хайши перехватило дыхание.

— По твоему лицу вижу, что попал в точку, — покачал головой Се Юйсуй, издав негромкий смешок. — Столько усилий ради того, чтобы заставить меня явиться в Восточную столицу?

— Сюй Наньжун во время расспросов уверяла, будто просто вышла на рынок за покупками, когда на нее наткнулся этот мерзавец Лян Хунцзе. Но давай на чистоту: Сюй Наньжун далеко не писаная красавица, да еще и замужем. С чего бы искушенному бабнику Лян Хунцзе западать на простую крестьянку? И почему после его кончины за ней тут же выслали целую свору профессиональных убийц? Всё указывает на то, что Сюй Наньжун — вовсе не та, за кого себя выдает. За ней явно стоят влиятельные покровители, она как-то связана с Восточной

столицей, а ее персона — ключ к какой-то крупной тайне. Твоя настойчивая просьба беречь ее лишь подтвердила мою догадку: девица имеет прямое отношение к... весьма важным особам.

— Кто нападал на Управление по умиротворению в тот день? Поговаривают, ты лично прикончил их предводителя. Зачем? Пытался защитить Сюй Наньжун и замести следы или преследовал иные цели? Значит, Лян Хунцзе погиб от ее руки. И не вмешайся ты вовремя, ее бы уже давно схватили и вздернули на виселице.

Сюнь Хайши онемел от изумления, даже не пытаясь скрыть растерянности. Он забавно приоткрыл рот и уставился на князя округлившимися глазами. Спустя мгновение он покачал головой и восхищенно поднял большой палец:

— А князь Юй чертовски умен. Разгадать такую головоломку по столь ничтожным зацепкам... Снимаю шляпу.

— Это не столько логический вывод, сколько умение замечать нестыковки там, где внешне всё кажется гладким. По большей части я строил догадки, но, судя по твоей физиономии, попал не в бровь, а в глаз, верно? — Се Юйсуй пристально вглядывался в лицо Сюнь Хайши, пытаясь уловить малейшее изменение мимики. — Так кто же такая эта Сюй Наньжун?

Сюнь Хайши потянулся за лежавшим в углу ватным одеялом и плотно укутался в него. Пока он прощупывал почву, то боялся даже пошевелиться, хотя его тело давно ооченело от холода. Теперь, согревшись, он облегченно вздохнул, потер озябшие ладони друг о друга и произнес:

— В одном ты всё-таки ошибся, князь.

— И в чем же?

— Лян Хунцзе прикончил я, — невозмутимо выдал Сюнь Хайши новость, от которой у любого другого волосы встали бы дыбом. — У этой девицы духу не хватило довести дело до конца. Ткнула его ножом в пузо и бросилась наутек, даже не взглянув на рану. А Лян Хунцзе оказался редкостным трусом — получив удар от слабой женщины, он запаниковал, схватился за живот и поковылял к городу. Та рана была пустяковой, умереть от нее он не мог. Мне довелось стать свидетелем этой жалкой картины, и я решил немного помочь бедняге. Сюй Наньжун до сих пор не знает правды. Она уверена, что самолично отправила его на тот свет, и дрожит от страха.

Сюнь Хайши тихо хмыкнул.

Се Юйсуй нахмурился. Это объясняло, почему характер ранений на трупе Лян Хунцзе указывал на то, что удары наносились в разное время. Оставим пока вопрос, зачем покойный увез девицу за город и как остался один без охраны. Но вот та странность с куском кожи на животе...

— Глава ордена Сюнь, — Се Юйсуй поколебался мгновение, но всё же спросил: — У покойного Лян Хунцзе на животе не хватало изрядного лоскута кожи. Тебе что-нибудь известно об этом?

— Не хватало плоти? — Сюнь Хайши неподдельно удивился. — С чего бы? Неужто бродячие псы или волки успели поживиться трупом? Я лишь помог Сюй Наньжун избавиться от преследователя, но человечиной, извините, не питаюсь.

На лице Сюнь Хайши не отразилось и тени лукавства. Се Юйсую пришлось заглушить поднявшиеся в душе сомнения и временно оставить эту тему.

— Впрочем, для тебя во всей этой истории сплошная выгода, — ухмыльнулся Сюнь Хайши. — Смута в Чжу на руку царству Ци. Когда наследник и император истребят друг друга, вашим войскам останется лишь совершить один стремительный бросок — и победа у вас в кармане. Разве не так?

— Я не лезу в государственные интриги, — ровным тоном отрезал Се Юйсуй. — И грызня между Чжу и Ци меня мало колышет. Меня интересует лишь одно: зачем ты притащил меня сюда? И что это за таинственная вещь, ради которой ты затеял всю эту кутерьму?

В глубине его глаз застыл холодный расчёт — он по-прежнему не доверял ни единому слову Сюнь Хайши.

Почувствовав, как собеседник прошупывает его, Сюнь Хайши не спешил раскрывать карты. Он отвел взгляд и, приоткрыв занавеску на крохотном оконце, уставился на плывущие мимо сугробы.

— Как давно мы в пути? — невзначай перевел он тему. — Когда планируем прибыть в Восточную столицу?

Се Юйсуй молча созерцал его профиль.

Зимнее солнце, заглядывая в карету, мягко очерчивало тонкие черты лица Сюнь Хайши. На его бледной, почти прозрачной коже играли золотистые блики. В этот миг от него не исходило ни капли угрозы; хрупкий, изможденный болезнью, он казался изнеженным сыном какого-нибудь знатного вельможи. Из тех, кто за всю жизнь не держал ничего тяжелее кисти для каллиграфии. Рядом с таким человеком невольно хотелось ослабить бдительность.

На мгновение Се Юйсую почудилось, будто этот человек олицетворяет собой само умиротворение и покой.

Какая глупость и ирония: узреть безмятежность в палаче, чьи руки по локоть в крови.

Дыхание Се Юйсую на миг сбилось, но он мгновенно взял себя в руки. Он не собирался

спускать дело на тормозах.

— Тебе всё же придется объясниться, глава ордена Сюнь, — жестко произнес он. — Ехать бог весть куда вслепую я не намерен. Мое терпение не безгранично. Или ты хочешь, чтобы мы прямо сейчас развернули коней и поехали в царство Ци?

Сюнь Хайши неторопливо повернулся и посмотрел на него с предельным, даже преувеличенным благоговением. Затем он медленно, по-черепаши подполз ближе к Се Юйсую, набросил край своего одеяла ему на плечи и, оказавшись с ним вплотную, крепко сжал его ладонь в своих холодных пальцах.

— Не изволь беспокоиться, князь, — с глубокой серьезностью прошептал он. — Раз уж ты доверился мне, я костями лягу, но сдую с тебя каждую пылинку.

Се Юйсуй лишился дара речи.

—...

У Фэна вытащили из казематов, но он даже не успел толком отъесться и прийти в себя, как его тут же припахали править повозкой. Рядом на облучке примостился Ляо Лу, а остальные телохранители рассредоточились по окрестным лесам, зорко следя за дорогой из тени.

Экипаж, хранивший молчание всё утро, подал признаки жизни лишь к полудню, когда солнце взобралось на самую верхушку старой сосны. Изнутри донеслось приглушенное шуршание и невнятный шепот. У Фэн подался корпусом к Ляо Лу и, кивнув на дверцу кареты, негромко спросил:

— Ну как он? Досталось ему за эти дни, а?

Ляо Лу прекрасно понял, о ком речь, но, будучи человеком немногословным и проведя последние дни в дозоре за пределами Юнчжоу, он мало пересекался с главой Павильона. Качнув головой, он глухо отозвался:

— Без понятия. Но те пару раз, что я его видел, он вел себя тихо. Совсем не похож на того кровожадного монстра, о котором судачат кумушки на базарах.

— Да ладно?! — У Фэн вытаращил глаза от изумления и дернул поводья так резко, что едва не огрел лошадь плетью по крупу. — Братец, тебя там часом не опоили каким-нибудь приворотным зельем?

С этими словами он помахал ладонью перед самым носом товарища, проверяя его реакцию.

Ляо Лу раздраженно шлепнул его по руке и зыркнул исподлобья:

— Ты в тюрьме совсем мозги растерял, дурень?

Хоть Ляо Лу и числился простым телохранителем, он с ранних лет рос бок о бок с Се Юйсуем и У Фэном. Высокий титул генеральского сынка не имел для него никакого значения. Эти двое привыкли обмениваться колкостями с пеленок, и не поддеть друг друга при встрече для них было делом немислимым.

У Фэн поерзал и уселся поудобнее, ворча под нос:

— Ладно, помяни мое слово — еще наплачешься. Мало ты в людях разбираешься, не видишь, где скрывается омут. С твоей наивностью тебя любой вокруг пальца обведет.

— Уж всяко лучше, чем загреметь за решетку и отдуваться за чужие грехи, — съязвил Ляо Лу.
— Да и чего нам опасаться, пока с нами наш господин? Будь этот Сюнь Хайши хоть трижды дьяволом, против Его Высочества он никто. Обычный пес на службе у императора Чжу, не более.

— Какой, к чертям, тайный страж? Ты хоть слышал, как его люди кличут? Цепной пес! Бешеная собака императора Чжу. У него же ни капли человеческого не осталось, разве можно его равнять с простыми слугами? Но в одном ты прав: против нашего господина этот пес бессилен. Сколько бы он ни извивался, душевную стойкость князя Юя ничто не поколеблет.

Достигнув редкого согласия, Ляо Лу одобрительно кивнул. Он уже открыл рот, чтобы добавить: «Для человека столь юных лет наш господин обладает редким хладнокровием», как вдруг карету сильно качнуло.

Сначала они подумали, что колесо наскочило на очередной булыжник, но не успела повозка выровняться, как изнутри донесся громоподобный рык.

— Пошел вон!

Этот яростный вопль сотряс деревянные стенки экипажа с такой силой, что с нависших над дорогой сосновых ветвей лавиной посыпался пушистый снег.

Обоих возниц мгновенно засыпало белыми хлопьями с ног до головы. Ляо Лу с трудом стряхнул с ресниц снег и медленно повернулся к У Фэну. Его челюсть, и без того приоткрытая, отвисла окончательно.

В головах у обоих одновременно пронеслась одна и та же дикая мысль.

"Неужто... бесы попутали?"

<http://bllate.org/book/20070/2001646>